

- Видок* Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998.
- Горловский М. А., Пятницкий А. Н.* Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.
- Город* старинный — провинции остров: Камышлов. Екатеринбург, 2004.
- Губернаторы* Оренбургского края. Оренбург, 1999.
- Декабристы*: Биогр. справочник. М., 1988.
- Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М., 1946; Т. 2. М., 1958.
- Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003.
- Ильин П. В.* Безвестные декабристы // 14 декабря 1825 года. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001.
- История СССР* с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967.
- История Урала* с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- Крестьянское движение* в России в 1826—1849 гг. М., 1961.
- Кривошеков А.* Крестьянский бунт в Челябинском уезде // Вести. Оренбург. учеб. округа. Уфа, 1912. № 6.
- Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.
- Предтеченский А. В.* [Предисл.] // Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961.
- Сибирские и тобольские губернаторы*: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000.
- Трубецкой С. П.* Записки // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981.
- Штейгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985.
- Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы. М., 1994.
- Экштут С.* Новорожденная свобода // Родина. 1996. № 2.
- Якушкин И. Д.* Записки. М., 1905.
- Яровой Г. В.* Борьба государственных крестьян Урала за землю в первой половине XIX в. // *Вопр. истории Урала*. Сб. 8. Свердловск, 1969.

Ю. Ю. Юмашева

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСОПОГРАФИИ

Развитие отечественной исторической науки в последние десятилетия характеризовалось резким отказом от проверенных философско-теоретических постулатов, поиском и апробацией новых подходов и теорий, позволяющих расширить и углубить изучение исторического процесса. Одной из наиболее распространенных характеристик, применяемых к анализу данного периода, является так называемый «кризис исторической науки». В это понятие исследователи вкладывают порой диаметрально противоположные смыслы. Однако наиболее продуктивной трактовкой этого понятия, не только содержащей в себе констатацию данного факта, но и намечающей пути его преодоления, является, на наш взгляд, трактовка, данная И. Д. Ковальченко в его последней опубликованной при жизни работе: «Под кризисом мы имеем в виду... не застой или упадок в ее развитии... а такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, а следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания» [Ковальченко, 2003, 454]. Из

приведенной цитаты очевидно, что пути преодоления кризиса И. Д. Ковальченко видел в сближении и взаимопроникновении теорий и философских подходов, существовавших в отечественной и зарубежной методологии исторической науки. Действительно, только синтез того лучшего, что было наработано отечественными и зарубежными исследователями, мог вывести на новый уровень понимания исторической реальности.

Было бы неверным полагать, что проблема поиска наиболее адекватных методов исследования и философских теорий возникла лишь в 90-е гг. XX в. Отдельные проявления этой проблемы появлялись и значительно раньше, на рубеже 50—60-х гг. прошлого столетия. Но в тот период острота вопроса была снята за счет расширения круга видов изучаемых источников (прежде всего — массовых), повлекших за собой необходимость выработки и освоения новых методов и методик их исследования, в том числе количественных методов, а также других методов, заимствованных из «сопредельных» гуманитарных дисциплин, в частности социологии и (несколько позже) политологии.

К концу 1980-х гг. период первоначального осмысления информационных возможностей массовых источников как особого вида источниковедческой базы и методов их анализа с очевидностью близился к завершению. Принципиально новое должно было возникнуть теперь в области философского осмысления и конкретно-исторической интерпретации получаемых результатов или выработке более гибких методов исследования. Именно поэтому в начале 1990-х гг. в исторической науке с новой силой обозначилась необходимость, с одной стороны, развития основных теоретико-методологических подходов, а с другой — расширения «междисциплинарности», нашедшая свое выражение в настоящее время в принципе «адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования» [Источниковедение новейшей истории России..., 2004, 59].

Эти происходившие в исторической науке процессы и явления отчетливо запечатлелись в истории возникновения и развития такого сравнительно нового исследовательского жанра, как жанр п р о с о п о г р а ф и ч е с к и х б а з д а н н ы х . Согласно определению, данному известным историком и социологом Л. Стоуном, просопография — это исследование общих характеристик группы действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем: 1) путей осуществления ими политических акций; 2) путей и вариантов социальной мобильности и реализации своих карьерных устремлений [см.: Stone, 1972, 107].

В более общем смысле в рамках исторической информатики с начала 1990-х гг. под термином п р о с о п о г р а ф и я подразумевается жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации д и н а м и ч е с к и х « к о л л е к т и в н ы х б и о г р а ф и й » определенных социальных группы, страт и т. п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты [см.: Юмашева, 1992].

Однако в отечественной историографии (особенно до начала 1990-х) трактовка данного термина имела (и до сих пор зачастую имеет) расширительное значе-

ние и предполагает создание любых «коллективных портретов, образов» независимо от наличия в них «динамической» составляющей. Таким образом, применение термина «просопографические базы данных» к работам 1970—1980-х гг. носит весьма условный характер.

Тем не менее в рамках настоящей статьи рассматриваются все исследования, изучающие биографические сведения о людях, группах людей, независимо от: а) принадлежности объектов исследования к политическим или профессиональным группам; б) наличия в данных исследованиях «динамических характеристик»; в) оформления результатов изучения не в виде статичного «образа», «портрета», характеризующего данную группу людей в конкретный момент времени, а «коллективной биографии», позволяющей проследить изменения, проходящие в жизни изучаемой группы на протяжении определенного периода.

Как следует из самого определения просопографии, этот жанр исключительно историчен, так как сосредоточен на изучении главного действующего лица истории — человека (людей). Кроме того, он представляет собой яркий пример междисциплинарных подходов, сочетая в себе наработанные историками-источниковедами приемы изучения массовых источников, процедуры исследования общества, заимствованные у социологов, методики проведения аналитических исследований, выработанные статистиками, технологию баз данных, созданную математиками и программистами. И, наконец, в исследованиях, выполненных в рамках просопографических баз данных, стало возможным преодоление «кризиса исторической науки», выражающегося в ограничении объекта исторического познания, присущего как марксистской, так и немарксистской методологиям, т. е., пожалуй, впервые в исследовательской практике удалось осуществить синтез философских подходов, существовавших в двух полярных философско-исторических традициях: сохранить внимание к объективному и закономерному в силу массовости в историческом развитии (марксистская философия истории) и показать индивидуальное и неповторимое, случайное и стихийное, эволюционное и традиционное (немарксистская философия истории).

Эти качества за последние 10 лет превратил жанр просопографических баз данных в один из самых популярных и востребованных отечественными исследователями. Многие историки на постсоветском пространстве успешно используют «образы» или «коллективные биографии», полученные в результате разработки и исследования информации баз данных, созданных на основе сведений биографического характера, не только для решения узконаправленных задач выяснения характерных черт в «облике кого-либо в какой-либо исторический период», но и для решения общих проблем изучения социальных, политических и культурологических явлений и тенденций развития исторического процесса. При этом научные изыскания, выполненные в жанре просопографии как образцы конкретно-исторических трудов, лишены отпечатка «кризисности» и обладают достаточной научной «устойчивостью» к любым изменениям философско-теоретических концепций и парадигм, наглядно демонстрируя возможность нового — иного — видения прошлого.

Феномен просопографии — удачный практически реализованный опыт преодоления кризисных явлений в исторической науке, — на наш взгляд, нуждается в подробном рассмотрении и анализе. Представляется важным проследить, как шло становление и развитие самого жанра, как с течением времени изменялись взгляды на его возможности, на то, какие источники могут быть привлечены к исследованиям, какие вопросы поставлены, какие темы исследованы, какие философско-теоретические подходы и идеи наиболее адекватны с точки зрения их возможности показать и объяснить, как это было и почему это было. Провести подобное изучение возможно с помощью приемов той же просопографии, которая позволит создать «коллективную биографию» массовых научных исследований, выполненных в данном жанре, чтобы выявить общее и особенное, присущее им, проследить тенденции развития этого научного направления.

Для того чтобы полно и достоверно раскрыть рассматриваемую тему, была создана база данных, которая позволила проанализировать опубликованные работы, созданные отечественными исследователями за последние 40 лет в жанре просопографии или близких к нему жанрах.

Работа по выявлению источников для создаваемой базы данных проходила в два этапа. На первом этапе на основе изучения библиографических сведений, опубликованных в различных источниках, были составлены списки работ, которые могли быть отнесены к исследованиям, выполненным в интересующем нас жанре [см., например: Математические методы в исследования по истории СССР, 1989; Библиография АИК, 2000; Информационный бюллетень Ассоциации «История и Компьютер»; Книжная летопись, 1960—1998; и др.].

Данный этап завершился формированием перечня работ, которые предположительно (ориентируясь на названия и фамилии авторов [см.: Математические методы в исследования по истории СССР, 1989; Библиография АИК, 2000]) могли быть отнесены к изучаемому предмету. К сожалению, автор должен признать, что не смог охватить весь обширный круг источников и публикаций, где могли быть представлены работы, выполненные в жанре просопографии. Из поля зрения выпали прежде всего сборники тезисов различных конференций, совещаний и других мероприятий, проводившихся в регионах, сборники трудов различных вузов страны, где с середины 1970-х гг. предположительно могло развиваться данное направление, а также авторефераты диссертаций. Самую серьезную проблему в этом смысле представляет период 1987—1990 гг., когда информация о публикациях подобных работ была чрезвычайно скудна. В частности, не удалось найти тезисы докладов или другие материалы школ молодых ученых, которые, как известно, проводились во второй половине 1980-х гг., первых пяти всесоюзных совещаний по проблеме «Комплексные методы в исторических исследованиях» и др. Однако, опираясь на экспертные оценки, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что даже без учета этих публикаций созданная база данных обладает более чем 90%-й репрезентативностью.

Второй этап работы с источниками предполагал изучение всех перечисленных в списке трудов с целью подтверждения их принадлежности к данному жан-

ру и детального анализа содержания, необходимого для заполнения полей базы данных. В качестве «опорных точек» — признаков, на основании которых та или иная работа относилась к жанру просопографии, можно выделить следующие:

В теле статьи (тезисов) должно было содержаться:

1) наименование создаваемой (созданной) базы данных; 2) перечисление исторических источников, легших в основу исследования; 3) формулирование таких целей исследования, как «создание коллективного портрета, образа, биографии» или «выявление облика», и т. п.; 4) наконец, сжатое изложение результатов работы, дающее представление о подобном «облике», «портрете», «образе», «биографии» и т. п.

В ходе этого этапа выяснилось следующее:

— «погрешность» в причислении работ к жанру просопографии на основании анализа только названий и фамилий авторов составляет менее 1,5 % общего числа первоначально выявленных работ (были отсеяны две работы);

— число публикаций, которые составили список публикаций по жанру просопографии, равняется 237 (данные на октябрь 2004 г.);

— это число (237) почти в 2 раза превосходит число названных в них баз данных (124), что дает возможность предположить, что каждый автор (группа авторов) в среднем в двух материалах описывал различные аспекты работы с базой данных. При этом особо необходимо отметить, что на основании многих публикаций невозможно сделать вывод о «законченности» разработки базы, так как авторы в своих материалах лишь констатируют начало работы, заявляя о постановке проблемы и начале формирования структуры базы данных или обработки источников для последующего создания таковой.

Следующий этап обработки информации заключался в разработке полей базы данных.

На содержании этого этапа следует остановиться особо, так как разрабатываемая база данных должна была позволить, с одной стороны, «зарегистрировать» все публикации, прямо или косвенно касающиеся темы просопографии (т. е. даже те, в которых авторы напрямую не описывали какую-либо конкретную работу, а рассматривали теоретические подходы к ее решению, практическую реализацию технологических задач в рамках исследования или обобщали уже накопленный опыт), а с другой стороны, давала бы возможность по запросу выделить и изучить всю информацию собственно о базах данных. Первоначально предполагалось, что структура базы будет включать в себя специфические поля библиографического описания работ (для решения первой из названных выше задач), а также во многом будет совпадать со структурой описания баз данных, опубликованной в «Информационном бюллетене Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР» (1991, № 2, 9—12). Однако в ходе дальнейшего проектирования структура претерпела серьезные модификации из-за того, что большинство изученных публикаций о просопографических базах данных не соответствует названному формату описания баз данных (о чем речь пойдет ниже). Структура созданной базы данных «Историография просопографии» показана на рис. 1.

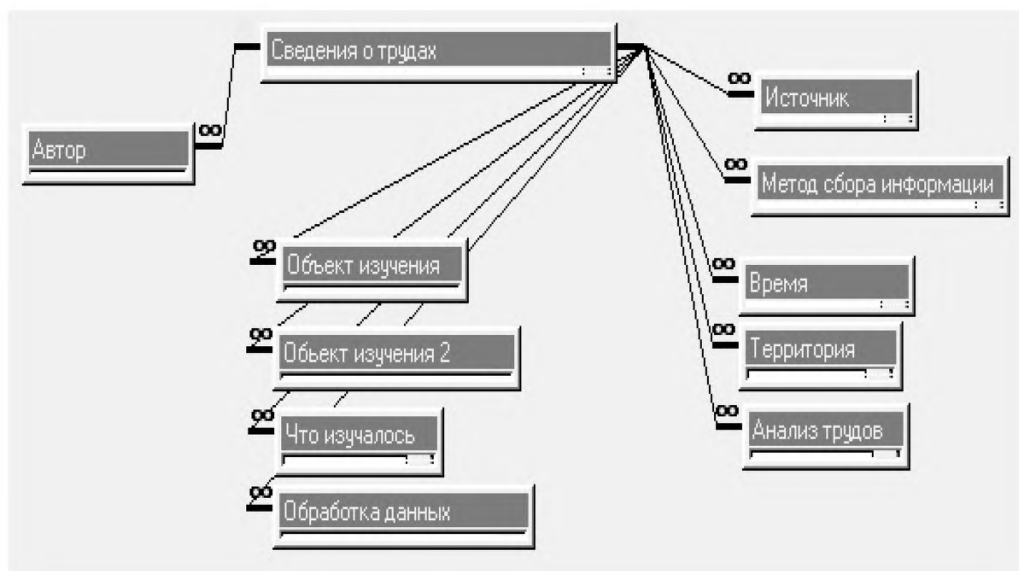

Рис. 1. Схема структуры базы данных «Историография просопографии»

Как видно из схемы, база состоит из основной таблицы («Сведения о трудах») и 10 вспомогательных таблиц, перечень полей которых и форма записи приведены в прил. 1—2. Подобная структура позволила создать как бы двухуровневую базу данных, в которой основной стала библиографическая база по опубликованным материалам («Публикации» — 237 записей), а «встроенной» в нее — база о просопографических базах данных («Базы» — 124 записи). В свою очередь, это дало возможность проводить одновременный анализ как истории создания самих просопографических баз данных, так и динамики публикаций о них.

После заполнения всех полей разработанной структуры был произведен статистический анализ базы.

Публикации

Как уже было сказано ранее, всего за рассматриваемый период было опубликовано 237 исследований, выполненных или посвященных просопографическим базам данным¹. Динамика их публикации по годам отражена на рис. 2.

¹ Еще раз отметим, что, строго говоря, все работы, анализируемые в данной статье и не удовлетворяющие в полном объеме трем выделенным критериям «просопографичности», рассматриваются автором в качестве предыстории жанра просопографии, без изучения которой невозможно понять процесс окончательного его оформления. Первой собственно просопографической базой данных в отечественной историографии может считаться созданная в 1977 г. Т. Л. Лабутиной база, посвященная биографиям деятелей политических партий тори и вигов.

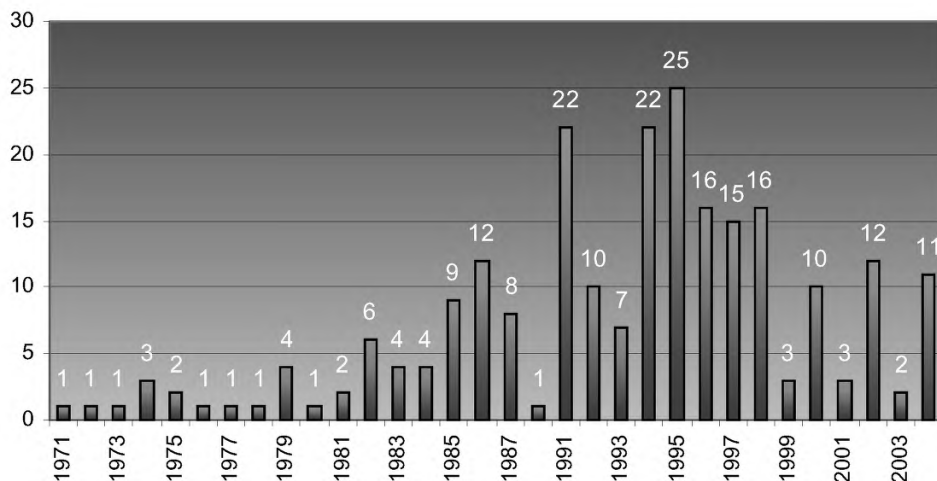

Рис. 2. Количество публикаций за период с 1971 по 2004 г.

Самые ранние публикации по вопросам создания и обработки просопографических баз данных относятся к началу 1970-х гг. В 1971 г. в журнале «История СССР» (№ 4) была опубликована статья А. К. Соколова «Методика выборочной обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г.», в которой был представлен опыт работы коллектива авторов, положивший начало развитию в отечественной историографии такого исследовательского жанра, как просопография.

До 1980 г. включительно этот коллектив под руководством В. З. Дробижева опубликовал более 14 работ (статей, монографий)², прямо или косвенно связанных с анализом анкет делегатов съездов Советов и профессиональных переписей.

Как видно на рисунке, в этом десятилетии (1970—1980) по количеству публикаций отчетливо выделяется два пика (1974 и 1979), когда были опубликованы 3 и 4 работы. При этом оба пика целиком и полностью обеспечены публикациями работ сотрудников группы В. З. Дробижева, включая публикацию первой монографии на базе анализа баз данных [см.: Дробижев и др., 1974], а также публикацию четырех статей, принадлежащих разным авторам [см.: Методологические и методические проблемы..., 1979].

Особо следует отметить зримые изменения, происходившие в развитии жанра на протяжении всего десятилетия. Если в первой половине 1970-х гг. характерно использование в качестве исторических источников материалов анкет и профессиональных переписей, то во второй половине 1970-х в научный оборот в качестве источников для исследований вводятся и личные учетные карточки рабочих

² По нашим данным, всего в 1970—1980 гг. было опубликовано 19 работ, из них 11 в соавторстве; 3 монографии: Дробижев и др., 1974; Павлов, Коган, 1976; Андрукович и др., 1979.

[см.: Диасамидзе и др., 1979, 149—222], и материалы переписей рабочих и служащих, и материалы всесоюзной переписи населения (1970), и анкеты социологических исследований рабочей молодежи [см.: Коган, Павлов, 1976]. Если в первой половине 1970-х гг. объектом исследования выступал, как правило, «рабочий класс», «делегаты» первых лет советской власти³, то во второй половине число объектов увеличивается за счет изучения служащих и рабочей молодежи. Если в первой половине 1970-х гг. ключевыми теоретическими проблемами были вопросы методики работы с источником применительно к его переносу в базу данных и выборочной обработки первичных материалов (проблема формирования выборки, их репрезентативность и достоверность получаемых в ходе их обработки результатов, возможность «экстраполяции» итогов на генеральную совокупность), то во второй — работы о методах применения математической статистики к созданным базам данных.

При этом хронологические рамки исследований на протяжении всего десятилетия колеблются от года до десятилетия, так же как и границы исследуемых территорий: Москва и Ленинград, РСФСР и СССР (в целом), а результатом исследований является статичный «облик», «портрет», в котором отсутствует анализ динамических показателей, что продиктовано содержанием самих изучаемых источников.

Очевидно, что основной философско-теоретической концепцией, на основе которой проводились все упомянутые исследования, была марксистская философия истории и теория классов.

Своеобразный итог десятилетнему изучению массовых источников по советскому рабочему классу был подведен в статье А. К. Соколова [1979, 180—186]. В ней были всесторонне проанализированы массовые источники по истории рабочего класса, их эволюция и методы изучения.

Единственным серьезным исключением из научной практики десятилетия явилась публикация статьи, «перешагнувшей» в постановке исследовательской задачи за пределы Советской России и посвященной применению ЭВМ при исследовании формирования политических партий тори и вигов [см.: Лабутина, 1977]. Эта работа расширила не только «территориальные границы», но и доказала, что в качестве источников информации отнюдь не обязательно использовать структурированные материалы отечественных архивов, в качестве метода работы с источником в вопросе переноса его информации в базу данных не обязательно следовать принципу «один источник — одна персоналия», что в качестве тем для исследования не обязательно ограничиваться «статическими» характеристиками. Впервые в исследовательской практике работа была основана на сведениях из опубликованных, слабо структурированных материалах словарного типа, сведениях, почерпнутых из мемуарной литературы, а в качестве исследуемых характе-

³ Исключение составляет лишь работа В. А. Петрова с соавторами [1972, 71—89], в которой исследовался другой исторический период (1966—1970) и изучался другой исторический источник — опросные листы.

ристик изучались такие «динамические» показатели, как «занимаемые должности» и «участие в парламентах». Особенностью данного исследования явилось также и то, что в нем впервые изучались представители правящих классов, люди, принадлежавшие к политической элите общества. Термин «элита», как нетрудно догадаться, в самой работе не применялся. Однако в отличие от ранее выполненных в Советском Союзе просопографических работ, где также изучалась в определенном смысле элита общества в лице депутатов, делегатов и передовых рабочих, это исследование неожиданно выявило новую методологическую проблему. Дело в том, что интерпретация полученных исследовательницей результатов, выполненная в соответствии с классовой теорией, выглядела несколько незавершенной.

Но до четкого формулирования, постановки и решения данной проблемы должно было еще пройти десятилетие, а в 1970-е гг. исследование Т. Л. Лабутиной так и осталось единственной работой, затрагивающей вопросы изучения правящих слоев.

Следующее десятилетие ознаменовалось резким количественным скачком публикаций — 83 работы (из них 16 в соавторстве)⁴. Как правило, эти работы выходили в форме статей (71 публикация), опубликованных в различных журналах и сборниках. Тем не менее за данный период было опубликовано и 5 монографий⁵, а также 7 тезисов докладов, которые были посвящены теме создания баз данных просопографического характера. Форма тезисов стала наиболее активно осваиваться молодыми авторами (студентами и аспирантами) со второй половины 1980-х гг., когда под эгидой и при активном участии Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР стали проходить различные школы молодых ученых, школы-семинары и всесоюзные совещания по проблеме комплексных методов в исторических исследованиях. На этих форумах одной из обязательных стала секция «Компьютерные базы данных в исторических исследованиях», в рамках которой и нашла свое дальнейшее развитие просопография.

Анализируя процесс становления жанра просопографии в первой половине 1980-х гг., необходимо отметить увеличение количества исследователей и расширение географии представляемых ими научных организаций, где данный жанр нашел свое развитие⁶. Заметное расширение произошло и в области вводимых в научный оборот исторических источников (пожалуй, самым необычным может считаться агитационный предвыборный плакат [см.: Кожухарь, 1982; Кульков,

⁴ Необходимо отметить, что это число вероятнее всего может возрасти за счет более детального анализа информации, относящейся к 1987—1990 гг., о чем говорилось выше.

⁵ В это число не включены издания учебного характера [например: Ковальченко, 1987; Количественные методы в исторических исследованиях, 1984; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях, 1985], в которых целые главы были посвящены технологии создания баз данных.

⁶ В начале 1980-х гг. появились публикации авторов, представлявших не только ИАИ, но и МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт истории АН СССР, Казанский государственный университет и другие организации.

1982]), и в области охваченных исследовательским интересом территорий: изучались источники по истории Молдавской ССР, Азербайджанской ССР, Татарской автономной республики, Кабардино-Балкарии, Среднего Поволжья и других областей и республик СССР.

Однако не только этот «экстенсивный» рост обращает на себя внимание в рассматриваемый период. Прежде всего необходимо отметить, что при сохранении интереса историков к ставшим уже традиционными объектам изучения, таким как рабочий класс [см., например: Дробижев, Пивовар, 1983; Пивовар, 1983; и др.], депутаты [см., например: Славко, 1982; Мамедов, 1982; и др.] и делегаты различных съездов [см.: Бородин, Соколов, 1984а; Бородин, Соколов, 1984б; Соколов, 1984; и др.], ударники производства, трудовая молодежь [см.: Аккиева, 1985; и др.], в первой половине 1980-х гг. стали появляться работы, расширяющие не только изучаемые социальные слои, но и почти на столетие отодвинувшие хронологические рамки исследований. Речь идет о работах И. Н. Киселева и С. В. Мироненко, посвященных изучению бюрократии России первой трети XIX в. [Киселев, Мироненко, 1985а; Киселев, Мироненко, 1986б], в которых воссоздавался социальный портрет высшего чиновничества Российской империи. В этой работе, с одной стороны, был применен опыт предыдущих исследований близкой тематики [см., например: Наумов и др., 1981], с другой стороны, исследователи, применили этот опыт для ввода в научный оборот новых источников — Списки по гражданским чинам (издание конца XVIII в.) и опубликованный в 1897 г. «Альманах современных русских государственных деятелей» — и предприняли попытку усовершенствования самой методики исследования с целью изучения «динамических» характеристик (время службы между присвоениями очередных чинов), чего в большинстве ранее опубликованных работ не наблюдалось.

Серьезным нововведением методического характера начала 1980-х гг. стала попытка формирования тематически взаимосвязанных баз данных («комплексной базы данных» — в терминах авторов исследования), являющихся по сути банком данных, позволяющим анализировать процессы уже не только в рамках отдельных социальных, профессиональных и других групп, а в рамках «взаимодействия классов и слоев советского общества» [Дробижев и др., 1983]. Этот методический подход найдет свое дальнейшее развитие в следующем десятилетии.

В целом, начало 1980-х гг. было отмечено важной особенностью — большим числом работ, носящих теоретико-методологический и методический характер⁷. Отчасти это может быть объяснено необходимостью осмысления возможностей

⁷ Вопросы методического характера до начала 1990-х гг. занимали одно из центральных мест в описании исследований. Это было связано не только с неисследованностью тематики, возможностями источников, необходимостью выработки «чувствительных» методов и методик, позволяющих получать достоверные результаты, но и с «тяжеловесностью» используемой компьютерной техники, требовавшей значительных усилий для перевода данных источника в машиночитаемую форму. Именно поэтому для компьютерного анализа данных исследователи вынуждены были кодировать информацию первичных материалов.

доминировавших в отечественной историографии философско-исторических подходов и новых методик по изучению и объяснению явлений и процессов исторического развития. Среди авторов, активно включившихся в эту работу, можно назвать Л. И. Бородкина [Бородкин, Соколов, 1985], В. З. Дробижева, Е. И. Пивовара, А. К. Соколова, Т. И. Славко. В этот период заметно возросло число публикаций о применении ЭВМ в исторических исследованиях «вообще». Наиболее часто эти материалы публиковались в журналах «История СССР», «Вопросы истории КПСС», в различных тематических сборниках, в том числе и «специального» назначения [см., например: Количественные методы..., 1983; Методы сбора данных..., 1985]. На рис. 2 отчетливо виден пик публикаций середины 1980-х гг. (1985 — 9, 1986 — 12, 1987 — 8), связанных с проведением в эти годы различных совещаний, в материалах которых нашли отражение проводившиеся различными исследователями работы [Комплексные методы в изучении истории..., 1985; Проблемы методологии, историографии, источниковедения..., 1985; Комплексные методы в исторических исследованиях, 1987].

Во второй половине 1980-х гг. укрепляются намеченные ранее тенденции к увеличению числа научных изысканий в области просопографических баз данных, расширению круга исследователей за счет появления новых имен — аспирантов и студентов, начавших активную работу в области создания биографических баз данных. Важную роль в этом процессе сыграли издания учебного характера, прежде всего учебное пособие «Современные методы изучения источников с использованием ЭВМ» [Ковальченко, Бородкин, 1987], а также проведение различных совещаний и конференций и издание тезисов этих мероприятий, сборников научных трудов [Проблемы методологии историографии, источниковедения..., 1986 (10 статей); Комплексные методы в исторических исследованиях, 1987 (7 статей)].

Особое внимание в этот период уделялось проблемам использования разнообразных структурированных источников, методике обработки данных. Круг источников значительно расширялся, вводились в научный оборот различные структурированные материалы: анкеты (делегатов съездов, сотрудников, аспирантов [см.: Дергачева, 1987]), личные дела, наградные документы, опросные листы, учетные карточки, широко привлекались к исследованиям документы неструктурированного вида (мемуары, опубликованные биографии, стенограммы выступлений, статьи в периодических изданиях и т. п.). В связи с последним обстоятельством активно обсуждался вопрос о принципах формирования выборок, методах переноса информации из источников неструктурированного вида в формуляры баз данных, достоверности и репрезентативности информации, почерпнутой из разных источников, необходимости «перекрестной» проверки данных и критериях отбора сведений при наличии разночтений в источниках. К этому же периоду относится начало дискуссии о проблемно-ориентированных и источник-ориентированных базах данных, которая достигнет своего апогея в начале следующего десятилетия. Истоки этой дискуссии коренятся отчасти в изменении самой компьютерной техники, которое произошло как раз в конце 1980-х гг. и повлекло за собой бурное

развитие исторической информатики в целом и просопографии в частности. Речь идет о внедрении в практику исследований персональных компьютеров, позволивших значительно облегчить процесс переноса информации в машиночитаемую форму и ее последующей обработки. Первые персональные ЭВМ отечественного и зарубежного производства (ЕС-1840, ЕС-1841, Mazovia и др.), функционировавшие под операционной системой MS DOS и с СУБД dBASE (в разных версиях, наиболее популярной — «3+» (III plus)), еще не позволяли хранить все данные в их «оригинальном» некодированном виде, однако уже давали возможность достаточно быстрого создания и обчета базы данных.

Новый скачок в развитии жанра просопографии произошел в начале 1990-х гг. С 1990 по 2000 г. в рамках данного направления было опубликовано 147 работ (из них 37 в соавторстве), при этом только за 1990—1995 гг. 87 работ, что превышает написанное за все предыдущее десятилетие. Основной формой публикации становятся тезисы докладов (88) и статьи (52). В тот же период были опубликованы несколько монографий, представляющих результаты исследований [в том числе: Бородкин и др., 1993; Тихонов и др., 1998; Кириллов, 1999].

Первая из причин количественного «взрыва» уже была названа: широкое распространение персональных компьютеров. Вторая, тесно связанная с первой, — это появление достаточно простых, широко распространенных «коммерческих» СУБД, позволяющих создавать базы данных и применять несложные статистические методы их обработки даже «непродвинутым» пользователям, что значительно облегчало существование историков, придавая им большую мобильность и независимость от наличия «машинного времени» в вычислительных центрах и свободного времени у программистов или технических сотрудников, сопровождавших ранее все научные разработки. Третья причина — это накопленный в течение 20 предыдущих лет опыт, выраженный в детальной проработанности и «понятности» общих методических аспектов просопографии как научного направления, его возможностей при решении конкретных проблем, при формулировании исследовательских задач, определенной «заданности» и «ожидаемости» получаемых результатов⁸, отточенности основных методов работы с массовыми структурированными источниками, практического создания баз данных и интерпретации результатов. Четвертая причина — человеческий фактор, который проявился, с одной стороны, в существовании и активном функционировании двух научных центров (лаборатория исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова и Институт истории и археологии УрО АН СССР, где данное направление курировали соответственно И. М. Гарскова и Т. И. Славко), а с другой стороны, в ярко выразившемся интересе молодых исследователей к технологии баз данных вообще и к базам данных «персонального» характера в частности. Пятая причина — ослаб-

⁸ Имеется в виду, что при работе с определенными источниками (анкеты, переписи, опросные листы, личные дела и т. п.) данный жанр, практически стопроцентно воспроизводящий структуру первичных материалов, уже на этапе их первичной обработки содержал ответы на вопросы о том, какие характеристики будут подвергнуты изучению.

ление, а затем и полное исчезновение идеологических рамок, позволившие активно привлекать в качестве методологической основы ранее недоступные философские теории и методы, конкретно-исторические концепции, существовавшие в зарубежной историографии. Так, например, в 1993 г. впервые в отечественной историографии в качестве важнейших философско-методологических подходов в области просопографии были названы ранее отрицавшиеся советской методологией теории элит [Юмашева, 1993]. Собственно, с этого момента можно говорить завершении периода становления исследовательского жанра просопографии в российской исторической науке и начале периода его активного развития.

Взросший интерес к этому жанру отчетливо проявился в количестве докладов на темы баз данных и «просопографические темы» (22), сделанных разными авторами за два года на двух совещаниях (VI Всесоюзное совещание по проблеме «Комплексные методы в исторических исследованиях», 1990 г. (7 докладов)⁹, и всесоюзная школа-семинар «Метод в историческом исследовании» (Минск, 1991 г., 15 докладов). Косвенной причиной подобной активности была организация Консорциума по базам данных в исторических исследованиях и решение о создании Каталога баз данных¹⁰. Среди первых трех баз данных, представленных по принятому формату в «Информационном бюллетене», стали базы данных «Командармы» [Юмашева, 1992; Юмашева, 1994] и база данных по «личным делам» бакинских нефтепромысловых рабочих «Товарищества нефтяного производства “Братья Нобель” (начала XX в.)» [Аханчи, 1992]. К сожалению, в дальнейшем публикация описаний баз данных в материалах ИБ прервалась, возможно, из-за того, что многие базы стали регистрироваться во всероссийском каталоге «Базы данных»¹¹.

Шестой причиной увеличения количества публикаций, посвященных описанию работ, выполненных в жанре просопографии, можно считать создание в 1992 г. ассоциации «История и компьютер» (АИК), объединившей историков, активно использовавших в своих работах количественные методы исследования. Кроме продолжения издания уже упомянутого «Информационного бюллетеня» (ИБ), АИК стала проводить ежегодные конференции, тезисы которых публиковались в специальных номерах ИБ, а полные тексты докладов и статей — в издаваемых с 1994 г. сборниках, объединенных общим названием «Круг идей». Появлением и активным функционированием этих двух периодических изданий можно объяснить

⁹ VI Всесоюзное совещание по проблеме «Комплексные методы в исторических исследованиях» было проведено в Москве в 1990 г., однако, поскольку тезисы этого мероприятия были опубликованы только в 1991 г., в нашей базе они отнесены к 1991 г.

¹⁰ Создание Консорциума относится к 1989 г., а информация о нем и формат описания баз данных были опубликованы в «Информационном бюллетене» Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР (№ 2) в августе 1991 г. В дальнейшем (февраль 1992) Консорциум был преобразован в Банк данных по российской истории (Информ. бюлл., 1992, № 6).

¹¹ Насколько нам удалось установить, последней публикацией стал материал о региональном банке данных «Урал в XX в.» [см.: Славко, 1995].

всплеск (1994—1995) количества публикаций на темы просопографических баз данных (22 и 25 соответственно). А увлечение созданием баз данных явилось причиной развернувшейся в 1995 году дискуссии по теме «Я и моя база данных» [см.: Доорн, 1995; Материалы круглого стола по статье П. Доорна, 1995].

В рамках ежегодных конференций АИК до IV конференции (март 1996) включительно работала специальная секция «Базы, банки данных», на которой представлялись все работы, выполненные с применением баз данных. В дальнейшем такая секция уже не собиралась, так как было признано, что создание баз данных является одним из обязательных технологических этапов практически в каждом исследовании в области исторической информатики, а формат конференций был модифицирован в сторону проблемного, а не технологического подхода.

Наконец, седьмой причиной увеличения интереса к просопографическим базам данных в начале 1990-х гг. можно считать открытие архивов, доступ к материалам, которые раньше были закрыты для исследователей. Эта причина нашла свое отражение в резкой смене объектов исследования, последовавшей после 1991 г. Так, если для 1990 и 1991 гг. характерно продолжение линии исследований по советской тематике (коммунисты, делегаты, рабочие, профсоюзные деятели), то после 1991 г. стали появляться исследования, посвященные (по истории до XIX в.) биографическим данным Российского государства XIV—XVII вв., жителям петербургских дворов начала XVIII в.; по истории XIX в.: офицерам российской армии 1812 г., чинам военного министерства XIX в., декабристам, купцам, историкам-русистам, деятелям торговли и промышленности рубежа XIX—XX вв., финансовой элите России второй половины XIX — начала XX в. коллекционерам и меценатам; по истории XX в.: депутатам Государственных дум, делегатам Учредительного собрания, агентам московской охраны, иностранцам (иностранным специалистам), проживавшим в СССР в 1920—1930-е гг., священнослужителям, лицам, лишенным избирательных прав («лишенцам»), военнопленным, беспризорникам, заключенным исправительно-трудовых лагерей, раскулаченным, жертвам политических репрессий и партийных чисток, раскулаченным баям-полуфеодам, спецпереселенцам, узникам Тагиллага, лицам, пострадавшим в результате применения «Закона о 5 колосках», евреям, представителям высшей исполнительной власти России в 1991—1993 гг. и т. п.

В перечислении объектов исследований поражает количество работ, связанных с биографиями лиц, подвергавшихся различным преследованиям в 20—50-е гг. XX в. На их фоне как-то теряются другие исследования, тем более что большая их часть относилась к началу 1990-х и, вероятно, так и осталась незавершенной.

В качестве источников для своих изысканий исследователи использовали не только архивные материалы (формулярные списки, списки по гражданским чинам, материалы переписей, анкеты и списки делегатов, статистические сведения, различные протоколы, стенографические отчеты, личные дела), но и разнообразные опубликованные издания (словари, энциклопедии, монографии, труды и мемуары). Особенностью данного периода является то, что именно в это время значительно активнее, чем раньше, в исследованиях используются неструктуриро-

ванные источники. Видимо, следует признать, что главными причинами такого «раскрепощения» исследователей являются высокий уровень овладения методами работы с разнообразными историческими источниками¹², «извлечения» из них необходимой информации и появление гибкого программного обеспечения, позволяющего хранить в базах данных большие фрагменты текстов и даже образы документов.

К началу 1990-х гг. относится и окончательное формирование в отечественной историографии понятия просопографии как жанра, изучающего б и о г р а ф и и людей в динамике, т. е. анализирующие характеристики, отражающие изменение объектов изучения во времени [см., например: Юмашева, 1992; Гарскова, 1996]. Тогда же, как было отмечено выше, были предложены и новые философские подходы в качестве методологического подхода к изучению «жизненных путей» [Юмашева, 1993; Соколов и др., 1996]. Однако термин «просопография» уже «завоевал массы», и вплоть до сегодняшнего дня им называют любые работы, связанные с анализом информации биографического характера независимо от наличия в них изучения «динамических» данных и получаемого конечного результата — статичного облика, образа, портрета или «развивающейся» биографии.

Заметно расширились исторические и территориальные рамки исследований. При этом удивительным фактом является то, что наибольший «хронологический» и «географический» охват наблюдается в первой половине и середине 1990-х гг., когда исследовались проблемы просопографического характера начиная с XIV в. [см.: Кошелева и др., 1995; Гутнов, Перевертень, 1994; Елпатьевская, Кошелева, 1995; Липницкая, 1996]. К концу же десятилетия происходит как бы «схлопывание» времени-пространства исследований до периода 1900—1950 гг. и до размеров отдельного региона, преимущественно Уральского. Этот процесс имеет объективное объяснение, заключающееся в том, что на Урале в течение всего десятилетия шло планомерное формирование банков данных: сначала регионального банка данных по Уралу XX в. под руководством Т. И. Славко, затем всероссийского банка данных жертв политических репрессий под руководством В. М. Кириллова. В то же время приходится констатировать, что с середины 1990-х гг. практически исчезли работы (или информация о них не доходит до Москвы), в которых бы исследовались материалы, связанные с историей отдельных бывших республик СССР¹³.

Технологической особенностью десятилетия следует, видимо, признать практически полный отказ исследователей от использования специально написанных для проведения работы СУБД и переход к «коммерческим» пакетам. Динамику этого процесса можно проследить весьма подробно, несмотря на то, что лишь отдельные публикации содержат упоминание программных средств. Так, в период с 1990 по 1996 г. наиболее популярной СУБД была «dBASE III plus»; одновре-

¹² Важную роль в распространении технологии просопографических баз данных сыграла книга И. М. Гарсковой [1994].

¹³ Исключение составляют лишь республики Казахстан, Украина и Беларусь.

менно в этот период использовались «Карат», «FoxBase» (в разных версиях), и «FILE FORCE applicational program»¹⁴, затем (1992—1998) наиболее популярной становится СУБД «Kleio»¹⁵, одновременно в работах использовались программы различного назначения: «Статистика», «Просис», «Анархист», «Социолог» и др. С 1997 г. все базы данных разрабатываются уже исключительно в MS «Access», который стал безусловным лидером среди СУБД.

Среди теоретических проблем просопографических баз данных в 1990-е гг. выделялись работы, посвященные источниковедческому анализу, вопросам разработки баз данных, ориентированных на источник, проблемам конвертации баз данных из программы в программу, форматов хранения информации для ее передачи в архив или иной формы вторичного использования, проблемы агрегирования и кодирования информации, разработки адекватного описания и документирования баз данных в целях ее дальнейшего использования, общим и методическим вопросам, обсуждению достоинств и недостатков программного обеспечения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такой жанр исторической информатики, как просопография, в 1990-е гг. пережил пик популярности среди исследователей. К концу десятилетия наметился явный спад интереса историков к этой проблеме, о чем свидетельствует и такой показатель: среди тезисов конференции АИК 2000 г. было представлено всего лишь 7 докладов, посвященных базам и банкам данных, за 2001 г. было опубликовано только 3 работы, выполненные в данном жанре [Бородкин, Копылова, 2001; Рыбка, 2001; Разинков, 2001]. При этом отрадным явлением в историографии просопографии стало то, что данный жанр начали осваивать историки, не являющие членами АИК [см., например: Рыбка, 2001; Целорунго, 2002].

Как показали последующие события, это была лишь кратковременная «передышка», взятая исследователями перед новым активным периодом, начавшимся в 2002 г. В этом году было опубликовано 12 работ, выполненных в жанре просопографических баз данных, в последующие два года — еще 14. Большинство исследований было представлено в привычной — лаконичной и удобной для исследователей форме тезисов.

Это лишний раз подтвердило, что возможности просопографии далеко не исчерпаны, а с развитием техники и технологий, вводом в научный оборот новых источников, попытками освоения историками новых теоретических концепций, а также расширением круга исследователей, работающих в области исторической информатики, они будут быстро развиваться.

Среди объектов изучения данного периода особо выделяются представители диаметрально противоположных слоев общества — жертвы различных репрес-

¹⁴ Последняя из названных программ предназначена для работы с компьютером Apple Macintosh [см., например: Кошелева и др., 1995].

¹⁵ См., например: Журавлев, Тяжельникова, 1993 (первая работа, выполненная с помощью этой СУБД) и Тихонов и др., 1998 (последняя работа).

сий и лишенцы, с одной стороны, и политики, банкиры и дворяне — с другой. Возможно, подобная поляризация объектов изучения является подсознательной реакцией исследователей на процессы, происходящие в современном нам обществе. Но более вероятным объяснением является, на наш взгляд, то, что большинство исследовательских работ последнего десятилетия было выполнено в рамках финансовой поддержки, оказываемой различными фондами, и является, таким образом, выполнением их социального заказа. При этом очевидно, что сугубо научные изыскания, их равномерное распределение по всему пространству исторического прошлого не входят в число приоритетных интересов и направлений деятельности подобных фондов.

В качестве еще одной особенности данного периода можно назвать также появление «юбилейных» исследований, выполняемых к определенной дате. Это весьма неожиданная мотивация научного интереса связана с широко отмечаемым юбилеем Московского государственного университета, а сами исследования, как нетрудно догадаться, выполняются сотрудниками исторического факультета, архива и музея МГУ [см.: Пушкин и др., 2003; Завьялов и др., 2004].

К сожалению, 14-летний период развития отечественной просопографии не ознаменовался лишь одним успехом — обретением и осмыслением философско-исторической концепции (концепций), способной адекватно «встроить» получаемые результаты конкретно-исторических просопографических исследований в общую картину исторического прошлого. Обозначенные в начале 1990-х гг. в качестве одной из возможных методологических концепций просопографии теории элит так и не нашли своего дальнейшего углубленного изучения. Не был осуществлен даже отбор теорий из всего многообразия существующих «элитарных» концепций [см., например: Ашин, 2004; Ашин и др., 2001], их анализ с точки зрения возможности интеграции в историческую науку. В отличие от политологов и социологов, активно изучавших региональные, профессиональные и политические элиты, историки забыли об этих философских теориях на целое десятилетие, и лишь в одной из последних работ [Канищев, 2004] в качестве исследовательской темы была сформулирована задача изучения региональных политических элит.

Кроме того, не были предприняты попытки привлечь и другие философские концепции к осмыслению итогов просопографических исследований. В своих работах, как справедливо отмечал А. К. Соколов [Источниковедение новейшей истории России, 2004, 51—52], историки либо не могли преодолеть привычных марксистских трактовок исторического процесса, либо каждый раз ограничивались констатацией статистического результата, т. е. поиском ответа лишь на один из двух специфических вопросов исторической науки (как это было?), оставляя без внимания второй (почему было так, а не иначе?) [Ковальченко, 2003, 464]. Возможно, этот недостаток объясняется сравнительной молодостью самого исследовательского жанра, возможно, он является отражением общего состояния отечественной исторической науки, преодоление кризиса которой только начинается.

Анализ баз данных

Переходя к анализу собственно баз данных, необходимо отметить, что информация о них, содержащаяся в изученных материалах, чрезвычайно неравномерна и нуждается в серьезном уточнении. Двумя самыми главными недостатками большинства публикаций является то, что на их основании невозможно выяснить степень завершенности разработки базы данных и однозначно установить (для последующей статистической обработки в том числе) источники, на основании которых разрабатывались база и ее структура или хотя бы список полей основной таблицы, т. е. изучаемые характеристики. Так, к примеру, из 124 упомянутых в статьях баз данных исторические источники, на основе которых они сформированы, в общих чертах¹⁶ удалось установить для 119; СУБД указаны для 32, а перечень исследуемых характеристик хотя и обозначен для 104 баз данных, но в большинстве случаев сами характеристики названы таким образом, что не дают представления о содержании полей базы данных.

В целом, приходится признать, что проблема документационного обеспечения баз данных, необходимости придерживаться единообразной структуры (хотя бы такой, какая была предусмотрена Консорциумом) в ходе их представления на конференциях и в публикациях стоит очень остро.

Тем не менее для 124 выявленных баз данных с определенной степенью погрешности можно провести статистический анализ по нескольким позициям.

Объект исследования. В приложении представлено хронологически-тематическое (по объектам исследования) распределение созданных баз данных.

Здесь представлены следующие тематически-хронологические блоки:

— середина 1980-х гг., когда превалировала тематика, связанная с делегатами, депутатами и управленческим аппаратом Советской России и Советского Союза;

— начало и середина 1990-х гг., когда, с одной стороны, вновь обозначился интерес к биографиям депутатов и делегатов, но уже досоветского периода, а с другой стороны, возник новый интерес к биографиям лиц, подвергавшихся различного рода наказаниям.

Сохранение интереса исследователей к управленческому аппарату в лице представительной власти вполне объясняется определением самого жанра просопографии. Изменение здесь коснулось лишь хронологических рамок и идеологических установок, которые соответствовали социальному заказу того или иного вре-

¹⁶ Имеется в виду, что в базу, кроме однозначных указаний (личные дела, учетные карточки), заносились такие данные, как материалы делопроизводства городских магистратур — городских дум и управ, труды об историках, подлинники бюллетени, хранящиеся в ГАРФ, фонды архива ЗАГСа, Нижнетагильского филиала гос. архива Свердловской обл. (НТФ ГАСО), справочники по учебным заведениям, некрологи и т. п. К сожалению, эта неопределенность не позволила провести корректный статистический анализ данных.

мени: если условиях советского времени были востребованы «коллективные портреты строителей социализма», то после 1991 г. эта тематика стала неактуальной и была заменена схожей, но базирующейся на дооктябрьском периоде. При этом необходимо подчеркнуть, что большинство источников по дооктябрьской истории было доступно и в 1970—1980-е гг.

Возникновение интереса к различного рода «лишенцам» связано, на наш взгляд, главным образом с открытием архивов (то, что было недоступно в советское время, вдруг стало открытым) и, опять же, со стремлением исследователей соответствовать социальному заказу, особенно жестко сформулированному в России в начале 1990-х: «СССР — империя зла и тюрьма народов».

Исследуемое время. На рис. 3 представлена диаграмма, иллюстрирующая, каким хронологическим периодам посвящены созданные базы данных.

Как и следовало ожидать, наибольшее число работ посвящено XX в., в течение которого произошло просто лавинообразное увеличение количества источников, расширившее поле для исследований.

На методике подсчетов по этому показателю необходимо остановиться особо.

В созданной базе данных был введен параметр «Время», отражающий хронологический период, который охватывала каждая из 124 баз данных. Это позволило создать своего рода «динамический ряд» по изучаемым векам и десятилетиям, начиная с XIV в. К примеру, база данных «Российские коллекционеры и меценаты» охватывает исторический период с 1650 по 1990 гг., т. е. в той или иной степени она посвящена изучению различных аспектов исторического процесса XVII—XX вв. Поэтому при построении диаграммы, представленной на рисунке, эта база данных вошла в числа 4 (база данных по XVII в.), 5 (база данных по XVIII в.), 17 (база данных по XIX в.), 111 (база данных по XX в.).

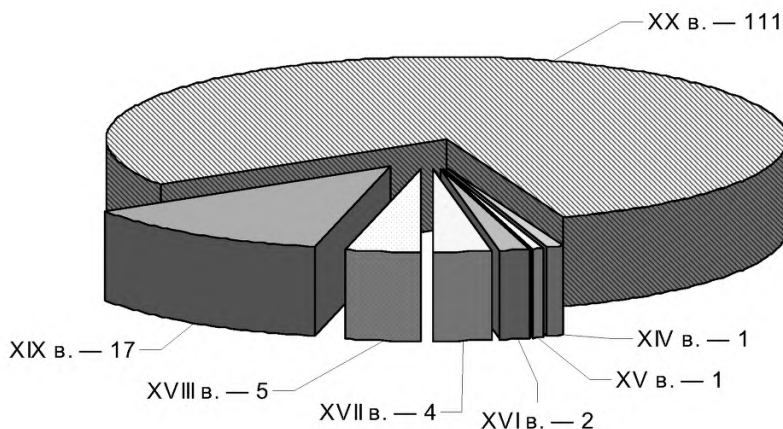

Рис. 3. Исследуемое в просопографических базах данных время

В табл. 1 приведены сведения, подсчитанные по той же методике, об «изученности» отдельных десятилетий истории начиная с 1600 г.¹⁷

Т а б л и ц а 1

*Изученность отдельных десятилетий XVII—XX вв.
в просопографических базах данных*

Десятилетие	Количество баз данных	Десятилетие	Количество баз данных
1600	1	1810	9
1610	1	1820	9
1620	1	1830	9
1630	1	1840	6
1640	1	1850	7
1650	3	1860	8
1660	4	1870	10
1670	4	1880	11
1680	4	1890	11
1690	3	1900	22
1700	3	1910	34
1710	4	1920	50
1720	3	1930	33
1730	3	1940	26
1740	3	1950	20
1750	3	1960	25
1760	3	1970	19
1770	4	1980	10
1780	4	1990	9
1790	4	2000	2
1800	8		

В таблице отчетливо выделяется период длиною в столетие — с 1870 по 1970 г., вызывающий наибольший исследовательский энтузиазм. Начало этого периода совпадает с бурным развитием в России массовой документации (прежде всего связанной с промышленной и финансовой сферами), в которой не последнюю роль играли документы персонального характера (личные дела, учетные карточки и т. п.). На этих массовых источниках базируется большинство исследований, посвященных дореволюционной России. Кульминационный всплеск просопографических исследований, посвященных 1920—1940-м гг. (50, 33 и 26 соответственно), в основном обеспечен работами, выполненными в последнее десятилетие и связанными с возникшей в 1990-е гг. возможностью работы исследователей с судебно-

¹⁷ В расчете учитывалась база данных «Биографический банк данных Российского государства» [Кошелева и др., 1994], охватывающая период XIV—XVII вв.; она же отражена и в таблице по десятилетиям) и база данных по переписи войска Великого княжества Литовского 1528 г. [Липницкая, 1996], посвященная периоду 1528—1567 гг. и не отраженная в таблице по десятилетиям.

следственной и тюремно-лагерной документацией¹⁸, численно преобладающей в этих трудах. Сокращение числа работ, посвященных 1950-м и 1960-м гг., объясняется, с одной стороны, нормами российского архивного законодательства, ограничивающего право доступа к источникам личного происхождения 50-летним сроком давности¹⁹, и, как следствие, исключением судебно-следственных и лагерно-тюремных источников из круга материалов, доступных исследователям в настоящее время. С другой стороны — тем, что практически все базы данных, посвященные этим двум десятилетиям, созданы в 1980-х — начале 1990-х гг. на основе открыто опубликованных или незасекреченных архивных источников (переписи, анкеты делегатов и т. п.).

Территория. Этот показатель характеризует территорию, история которой была опосредованно отражена в базах данных (табл. 2).

Численное преобладание исследований, посвященных истории таких территориально-государственных образований, как СССР, союзные и автономные республики, косвенно свидетельствует о том, что в качестве объектов исследований выступали, как правило, сравнительно небольшие группы людей, а источниковедческой базой исследований были материалы анкетного характера или что исследователи на разных этапах своей работы активно использовали метод создания выборок. В то же время значительное число работ, связанных с изучением Урала, Москвы, Петербурга и Тамбова (Тамбовской губернии), указывает на существование в этих центрах исследовательских групп и программ, ведущих целенаправленную работу по созданию просопографических баз данных.

Характеристики (что изучалось). К сожалению, проведение полного и точного статистического анализа изучаемых исследователями характеристик в виду недостаточности информации невозможно. Тем не менее на основе сведений, собранных в базе данных «Публикации материалов», можно выделить несколько групп вопросов, которые исследовались практически в каждой работе. При этом легко заметить, что практически в каждой выделенной группе имеются следующие «динамические» характеристики (по убывающей):

1) демографические: возраст (продолжительность жизни), пол, национальность, семейные связи, миграция²⁰;

2) социальные: социальное происхождение и положение, изменение социального статуса; наличие собственности;

3) образовательные и профессиональные: образование, профессия, область и виды деятельности, карьера;

¹⁸ Новый вид источников, принципы и приемы работы с которым впервые обобщен в работе «Источниковедение новейшей истории России» [2004, 148—198].

¹⁹ В соответствии с новым федеральным законом РФ «Об архивном деле в Российской Федерации» от 1 октября 2004 г. этот срок увеличивается до 75 лет.

²⁰ Разрядкой выделены характеристики, заявленные более чем в 20 базах данных.

Т а б л и ц а 2

Базы данных опосредованно изученных территорий

Государства		Республики		Области (губернии, регионы)		Города	
Англия	1	Азербайджанская (в составе СССР)	2	Томская	1	Москва	6
Великое кн. Литовское	1	Закавказская (в составе РСФСР)	2	Тульская	1	Санкт-Петербург- Ленинград	4
Русь, Рос. империя	27	Казахская (в составе СССР)	2	Свердловская	1	Баку	1
Российская Федерация (с 1991)	7	Молдавская (в составе СССР)	1	Днепро- петровская	1	Тверь	1
РСФСР (1917—1922)	18	Татарская автономная (в составе СССР)	3	Екатерино- славская	1	Тамбов	1
СССР	63	Кабардино- Балкарская автономная (В составе СССР)	1	Калинин- градская	1		
Украина (с 1991)	1	Чувашская АССР	2	Костромская	1		
		Мордовская АССР	2	Минская	1		
		Коми АССР	1	Урал	9		
				Среднее Поволжье	1		
				Ярославская	1		
				Центральный Промышлен- ный район	1		
				Тамбовская	2		
				Тверская	1		

4) общественно-политические: партийность, политическая и общественная активность, партийные и прочие взыскания.

Прочие упомянутые в публикациях изучаемые характеристики носят локальный характер и связаны со спецификой предметной области (например: титул, продолжительность рабочего дня; размер жалования, имя рекомендуемого лица и т. п.).

Источники. Как и в случае с показателем «Характеристики», создание полноценной статистической картины использованных в трудах источников невозможно

но. Но на основе тех сведений, которые все же удалось верифицировать, можно утверждать следующее:

— во всех упомянутых базах данных (124) использовались источники архивного происхождения;

— в 56 базах данных (т. е. 45 %) был использован только один вид источников.

Представленная ниже табл. 3 позволяет составить самое общее представление о том, какие исторические источники наиболее часто привлекались к исследованиям.

Таблица 3

Частота использования различных источников в просопографических базах данных

Источники	Частота использования	Источники	Частота использования
Переписи	24	Формуляры и формулярные списки	8
Анкеты	42	Словари	11
Личные дела	17	Различные списки	14
Протоколы	3	Наградные листы	5

Очевидно, что самыми востребованными источниками для создания просопографических баз данных являются структурированные источники, среди них — анкетные материалы. Преобладание последних объясняется несколькими причинами. Первой из них, безусловно, является массовый характер этого вида источников, явившийся результатом «своеобразной анкетной эпидемии» [Источниковедение новейшей истории России, 2004, 501], поразившей советские учреждения с первых лет советской власти. Вторая причина — обманчивая легкость в работе с ними. Действительно, наличие в самом источнике заданной структуры облегчает этап инфологического проектирования баз данных — создания формуляра (структуры полей), определение типов полей и т. д. Однако подчас исследователи упускают из виду, что, обращаясь к подобного рода источникам, им приходится иметь дело с «крохами» заключенной в них информации, которая уже на этапе своего создания «втиснута» в ограниченные рамки анкетного вопросника и, кроме этого, может быть сознательно искажена или противоречива. Тем не менее, как было отмечено выше, комплексного интегрированного подхода в использовании исторических свидетельств, серьезной и детальной источниковедческой критики источника, в том числе изучения достоверности и репрезентативности заключенной в нем информации, анализа исторического фона и обстоятельств появления самого источника в большинстве рассматриваемых работ не наблюдается.

Методы работы с источниками. Эта характеристика была введена в качестве компенсации отсутствия возможности анализа полного перечня использованных историками в рамках просопографических баз данных источников. Аналитическим путем на основе текстуального анализа публикаций о базах данных для 104 из

них были выведены 4 варианта работы с источником (источниками), представленные на диаграмме рис. 4.

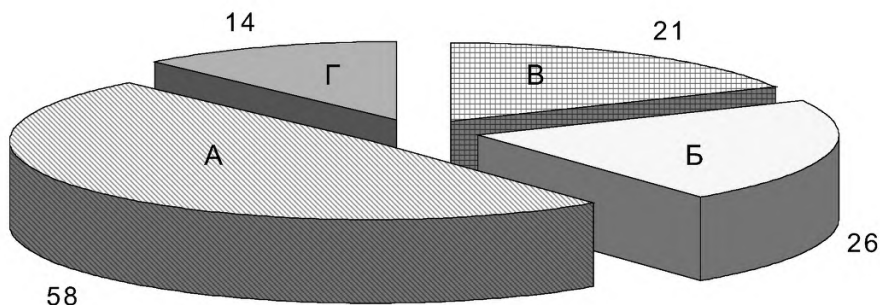

Рис. 4. Методы работы с источником:

А — несколько источников — одна персоналия; Б — несколько источников — несколько персоналий;
В — один источник — одна персоналия; Г — один источник — несколько персоналий

Преобладание метода «один источник — одна персоналия» (58) связано с частым использованием исследователями массовых источников структурированного (анкетного) вида. Эти источники на протяжении всех 30 лет развития просопографии были наиболее востребованы и популярны, о чем говорилось выше.

Второе место метода «несколько источников — несколько персоналий» (26) объясняется сравнительно частым обращением исследователей к одному из вариантов разработки проблемно-ориентированных баз данных, когда в качестве источников используются материалы сводного характера, содержащие пересекающиеся множества персоналий.

Самый трудоемкий из методов («несколько источников — одна персоналия») не нуждается в специальном объяснении. Его использование в просопографии начинается только с 1992 г. небольшой группой исследователей. Отличительными чертами этого метода являются, во-первых, необходимость для исследователя виртуозного владения традиционными методами источниковедческого анализа в части отбора, оценки и верификации информации, содержащейся в различных источниках, во-вторых, создание нового единого «виртуального» «метаисточника», в который «сводится» отобранная информация и который в дальнейшем будет подвергнут анализу, и, наконец, в-третьих, сохранение всех «исходных» данных для последующего вероятного использования (реализация «источниково-ориентированного» подхода к созданию базы данных). К сожалению, приходится признать, что к настоящему моменту не выполнена ни одна работа по изучению подобных сохраненных исходных данных. Они оказываются невостребованными ни самими авторами исследований, ни их последователями, разрабатывающими аналогичную тематику. Такое пренебрежение к уже обработанным материалам объясняется наличием огромных массивов еще не введенных в научный оборот и пока не изученных источников и, кроме того, отсутствием разработанных и опробован-

ных методик повторного изучения уже исследованных кем-то документов. То, что данные материалы могут содержать латентную информацию, в корне меняющую уже сделанные выводы, как-то сбрасывается со счетов.

И, наконец, последний вариант — «один источник — несколько персоналий» (14), как правило, характеризует начальный этап исследований и присущ работам, которые, судя по проанализированным источникам, так и не были завершены или еще находятся в процессе разработки.

Подводя общий итог проведенному анализу, хочется выразить надежду, что подобный историографический обзор, посвященный одному из новых, самых интересных и перспективных направлений исторической информатики — просопографическим базам данных, будет полезен не только теоретикам и историографам, но и самим исследователям, работающим в данном жанре. Он поможет обратиться к решению обнажившихся проблем и устранению возникших «болевых точек» нового направления, скорректировать свою работу в вопросах более полного и всеобъемлющего изучения источников, совершенствования исследовательских приемов, направленных на достижение большей адекватности объекту и предмету исследований, к поиску и синтезу философско-исторических концепций, позволяющих расширить и углубить изучение российского исторического процесса. Доказавшая на практике свою «устойчивость» в рамках бытования жестких философско-теоретических концепций, затем их полного отсутствия и, наконец, смешения различных подходов и понятий, просопография и в XXI в. будет одним из самых востребованных направлений изучения исторического прошлого.

Приложение 1

Структура таблиц базы данных

Основная таблица: Сведения о трудах

Код

№

Название труда

Продолжение названия

Вид публикации (статья, тезисы, монография)

Название источника

Ответственность (отв. Ред.)

Издательство

Год издания

Прочие сведения (№№)

СУБД

Название базы данных

Теория — практика (теоретическая статья или описание конкретной базы данных)

На какой базе (если теоретическая, то о какой базе данных идет речь)

Окончание прил. 1

Вспомогательная таблица: Автор

Ф.И.О.автора

Вспомогательные таблицы: Объект изучения и Объект изучения — 2

Объект изучения — в агрегированном виде (Объект изучения—2: в формулировке автора)

Вспомогательная таблица: Источники

Структурированный/неструктурированный
Название источника

Вспомогательная таблица: Метод сбора информации

Метод сбора информации (один источник — одна персоналия; один источник — несколько персоналий; несколько источников — одна персоналия; несколько источников — несколько персоналий).

Вспомогательная таблица: Что изучалось

Изучаемые характеристики

Вспомогательная таблица: Территория

Какая территория изучалась (государство, республика, область, регион, город, предприятие)

Вспомогательная таблица: Анализ трудов

Какая конкретно территориальная единица изучалась
Какой конкретно период времени изучался

Вспомогательная таблица: Время

Какой промежуток времени изучался (век, десятилетие, год)

Приложение 2

Вид записи в базе данных

Microsoft Access - [Сведения о трудах]

Файл Правка Вид Вставка Формат Записи Сервис Окно ?

№ 66 Код: 68

Название Передовые рабочие Молдавии - депутаты Верховного Совета Молдавской ССР в 60-е - 70-е годы

Продолжение названия

Название источника Передовые рабочие в управлении обществом и производством.

Ответственность **Издательство** ИМПД

Год издания 1982. **Место издания** М.

Прочие сведения Ч.2-С. 100-115. **Вид публикации** статья

СУБД **Посторанность:**

Название базы данных: Передовые рабочие Молдавии - депутаты Верховного Совета Молдавской ССР

На какой базе: Передовые рабочие Молдавии - депутаты Верховного Совета Молдавской ССР

Теория-практика ☐

Автор Кожухарь В.Г.

Запись: 1 из 214

Режим формы

Пуск Коробова Microsoft Wor WinZip - Кор Microsoft ... Microsoft Exc...

13:33

Приложение 3

Объект изучения

Год	Рабочие/ Рабочая молодежь	Служащие (разные)	Политики; члены Гос. думы, члены Бюрок. думы, выборщики; депутаты; дворянство; политическая элита	Деле- гаты	Герои труда; стахановцы, ударники; проф. деятели	Студенты, аспиран- ты, ученые, выпускни- ки МГУ	Коммуни- сты; комисса- ры, студенты- большеви- ки	Воен- нослу- жащие	Лишенные, заключенные, репрессиро- ван., жертвы парт. чисток, беспризорни- ки, трудармей- цы, воен- нопленные; мигранты	Иностранные специалисты, предприни- матели, купцы, банкиры; средние слои	Прочие
1971				1							1
1972	1										1
1973	1										1
1974	1	1									2
1975											
1976	1										1
1977			1 (Англия)								1
1978	1										1
1979	2										2
1980											
1981		1									1
1982	1		4	1							6
1983	2.										2
1984			1	2							3
1985	2	3 (1 — XIX в.)									5
1986			4	4							8
1987	2		1	1	1	1					6
1988											
1989											
1990											
1991	1	1	1 (члены Гос. думы)			2	1	2	2		10

Алкиева С. И. Применение математических методов и ЭВМ для изучения социального облика рабочей молодежи на материалах КБА СССР // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: Тез. докл. совещ., Москва, 20—22 февраля 1985 г. М., 1985.

Андрукович Л. Н. и др. Сопоставление образовательного состава профессиональных групп рабочего класса СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. (с применением методов математической статистики). М., 1979.

Аханчи П. А. Описание базы данных по «личным делам» бакинских нефтепромысловых рабочих «Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» (нач. XX в.) «Рабочие» // Информ. бюлл. Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отд-нии истории АН СССР. 1992. № 7 (март).

Ашин Г. К. История политологии. М., 2004.

Ашин Г. К. и др. Основы политической элитологии: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001.

Библиография АИК / Сост. И. М. Гарскова // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2000. № 25.

Бородкин Л. И., Копылова О. Н. База данных «Картотека агентурного отдела Московского охранного отделения»: к анализу социального портрета // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2001. № 28 (ноябрь).

Бородкин Л. И. и др. Становление российского парламентаризма начала XX века / Л. И. Бородкин, Н. Б. Селунская, Ю. Григорьева, А. Петров. М., 1993.

Бородкин Л. И., Соколов А. К. О методах обработки данных анкет делегатов съездов Советов / Актуальные проблемы архивоведения и документоведения в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1984а.

Бородкин Л. И., Соколов А. К. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // История СССР. 1984б. № 2.

Бородкин Л. И., Соколов А. К. Структурный анализ таблиц сопряженности. По материалам обработки анкет делегатов съездов Советов // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1985.

Вопросы истории (1986—2001).

Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994.

Гарскова И. М. От просопографии к статистике: Методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник, метод, компьютер. Барнаул, 1996.

Гутнов Д., Перевертень В. Российские историки XVIII — начала XX в.: проект и информационная система // Круг идей: новое в исторической информатике: Тр. I Конф. ассоциации «История и компьютер». М., 1994.

Дергачева Л. Д. Применение историко-социологических методов при анализе социальных источников аспирантуры МГУ 20—30-х годов // Комплексные методы в изучении исторических процессов. М., 1987.

Диасамидзе Р. Д. и др. Личные учетные карточки рабочих как источник для характеристики изменений в социальном облике новых пополнений трудовых коллективов в 1959—1974 гг. / Р. Д. Диасамидзе, В. З. Дробижев, В. Н. Коршунов // Методологические и методические проблемы изучения рабочего класса социалистического общества. М., 1979.

Доорн П. «Я и моя база данных»: движение к концу направления «История и компьютинг»? // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1995. № 13 (март).

Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Массовые источники по истории советского рабочего класса и интеллигенции и количественные методы анализа // Количественные методы советской и американской историографии. М., 1983.

Дробижев В. З. и др. Обработка массовых источников для анализа взаимодействия классов и слоев советского общества (опыт формирования комплексной базы данных) // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. М., 1983.

Дробизhev В. З. и др. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1974.

Елпатьевская Е., Кошелева О. База данных «Состав жителей петербургских дворов по их сказкам 1718 г.» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»: Спец. вып.: Тез. докл. и сообщ. III конф. ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 31 марта — 2 апреля 1995). М., 1995.

Журавлев С., Тяжельникова В. Проблемы формирования базы данных об иностранных гражданах в СССР (20—30-е годы): использование экспертного знания // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 1993.

Завьялов С. М. и др. Выпускники историко-филологического факультета Московского университета в зеркале математической статистики, 1877—1916: К 70-летию юбилею истфака МГУ // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32.

Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 1991—2004. № 1—32.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004.

Канишев Влад. В. База данных для изучения региональных политических элит (на примере Тамбовской губернии начала века) // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32.

Кириллов В. М. Жертвы репрессий: Нижний Тагил, 1920—1980-е годы. Екатеринбург, 1999.

Киселев И. Н., Мироненко С. В. О чем рассказали формулярные списки. М., 1986а.

Киселев И. Н., Мироненко С. В. Социальный портрет высшей бюрократии России первой трети XIX в. Количественный анализ // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Тезисы докладов совещания. М.: АН СССР, Институт истории СССР, 1986б.

Книжная летопись (1960—1998).

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Современные методы изучения источников с использованием ЭВМ: Учебное пособие. М., 1987.

Коган Л. Н., Павлов Б. С. Молодой рабочий вчера и сегодня: опыт историко-социологического исследования молодых рабочих 30-х и 70-х годов. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1976.

Кожухарь В. Г. Передовые рабочие Молдавии — депутаты Верховного Совета Молдавской ССР в 60—70-е годы // Передовые рабочие в управлении обществом и производством. М., 1982.

Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.

Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: Тез. докл. совещания, Москва. 20—22 февраля 1985 г. М., 1985.

Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. науч. совещания, М., 1987.

Кошелева О., Морозов Б. и др. Биографический банк данных Российского государства / Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 1995. № 12 (сент.).

Кульков А. Е. Рабочие — депутаты Костромского областного Совета в 60-е — 70-е годы // Передовые рабочие в управлении обществом и производством. М., 1982.

Лабутина Т. Л. Применение ЭВМ при исследовании формирования политических партий «тори» и «виги» // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Липницкая О. Л. База данных по переписи войска Великого княжества Литовского 1528 года / Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер»: Спец. вып.: Тез. докл. и сообщ. IV конф. ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 15—17 марта 1996). М., 1996.

Мамедов И. Н. Рабочие — депутаты Верховного совета Азербайджанской ССР в 60-е — 70-е годы // Передовые рабочие в управлении обществом и производством. М., 1982.

Математические методы в исследования по истории СССР / Сост. Т. И. Славко. Свердловск, 1989.

Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

Материалы круглого стола по статье П. Доорна // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 1995. № 13 (март).

Методы сбора данных: Анализ документов, наблюдение, эксперимент. М., 1985.

Наумов О. В. и др. Кадры руководителей, специалистов и обслуживающего персонала промышленных предприятий по данным профессиональной переписи 1918 года // История СССР. 1981. № 6.

Новая и новейшая история (1986—2001).

Павлов Б. С., Коган Л. Н. Молодой рабочий вчера и сегодня: опыт историко-социологического исследования молодых рабочих 30-х и 70-х годов. М., 1976.

Петров В. А. и др. Рабочие Ленинграда в годы VIII пятилетки. Опыт сравнительного социально-исторического исследования // История СССР. 1972. № 6.

Пивовар Е. И. Советские рабочие и НТР: По материалам автомобильной промышленности СССР, 1966—1975. М., 1983.

Проблемы методологии, историографии, источниковедения советского рабочего класса, его лучших представителей. М., 1985.

Проблемы методологии, историографии, источниковедения советского рабочего класса, его лучших представителей. М., 1986.

Пушков Л. В. и др. Выпускники Московского Университета и формирование интеллектуально-го потенциала дореволюционной России (первые итоги создания базы данных) // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2003. № 31.

Разинков С. В. База данных «Советские немцы — трудармейцы Тагилага»: принципы создания, источники и методы обработки // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.

Рыбка О. Ю. Государственная дума в системе власти России начала XX в. М., 2001.

Славко Т. И. К вопросу об изучении социального облика труженика сельского хозяйства — депутата Верховного Совета ТАССР // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. Чебоксары. 1982.

Славко Т. И. Региональный банк данных: Урал в XX в. // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 1995. № 13 (март).

Соколов А. К. Делегаты-рабочие на I съезде Советов СССР: (Анализ жизненных путей делегатов и их влияние на формирование состава съезда.) // Рабочий класс и современный мир. М., 1984.

Соколов А. К. Массовые источники по истории советского рабочего класса, их эволюция и методы изучения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докл. III Всесоюз. конф., Новороссийск, 1979. М., 1979.

Соколов А. К. и др. БД как путь к источниковедческому синтезу // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 1996. № 17: Спец. вып.: Тез. докл. и сообщ. IV конф. ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 15—17 марта 1996).

Тематические планы «Издательства МГУ» (1986—2001).

Тематические планы «Издательства СПбГУ» (1986—2001).

Тематические планы издательства «Наука» (1986—2001).

Тихонов В. и др. Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы // Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998.

Указатели «Базы данных в России». М., 1992—1998.

Указатели Информрегистра РФ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.inforeg.ru/>

Целорунго Д. Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002.

Юмашева Ю. Ю. Источниковедческие проблемы создания просопографических баз данных // Информ. бюлл. Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. 1992. № 7: Спец. вып.

Юмашева Ю. Ю. Краткое описание базы данных «Командармы» // Там же. 1991. № 2. (авг.).

Юмашева Ю. Ю. Методологические проблемы создания просопографических баз данных // Там же. 1993. № 9 (окт.).

Юмашева Ю. Ю. Описание базы данных «Командармы» // Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994.

Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N. Y., 1972. P. 107.

С. С. Беляков

ИДЕОЛОГИЯ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ: МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ФАШИЗМОМ

Усташское движение начало формироваться на волне шовинизма, захлестнувшего хорватские земли Югославии после убийства 20 июня 1928 г. лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича и введения 6 января 1929 г. королем Александром чрезвычайного положения. Террористическая усташская (повстанческая) организация на протяжении более десятка лет вела борьбу против Югославского государства. Создание усташами под протекторатом держав Оси Независимого государства Хорватия (НГХ) в апреле 1941 г., развернутый ими геноцид сербского народа и спровоцированная этим геноцидом межэтническая война на многие годы запечатлелись в исторической памяти хорватского и сербского народов. В 1990-е гг. память об усташском терроре сыграла печальную роль в ходе межэтнической войны на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины.

В исторической науке сложилось две точки зрения на сущность усташской идеологии. Югославская (за немногими исключениями) и советская историографии, а также ряд западных авторов трактовали усташество как фашистскую идеологию, хорватский фашизм [см., например: Balen, 1952; Basta, 1971; Culinovic, 1970; История Югославии, 1963; Avakumovic, 1971] или клерофашизм¹. Взгляд на усташество как фашистскую идеологию во многом опирался на распространенную вплоть до конца 1980-х гг. и в югославской, и в советской историографии расширительную трактовку понятия «фашизм», включающую почти все правые авторитарные режимы межвоенного периода, в том числе режим Пилсудского в Польше и монархо-фашистскую диктатуру короля Александра в Югославии. Точка зрения на усташскую идеологию как на фашистскую (но не клерофашистскую) сохранилась и в работах отдельных представителей современной хорватской историографии [см.: Bilandzic, 1998].

¹ О клерофашизме речь шла в том случае, если исследователь уделял особое внимание роли католического духовенства в деятельности хорватских националистических организаций в межвоенный период и в Независимом государстве Хорватия (НГХ) [см.: Novak, 1948]. Точка зрения на усташество как образец идеологии клерофашизма сохранилась в современной сербской историографии [см.: Джуретич, 2003; Жутић, 1997].